

КРЕМЛЕВСКИЕ ТЕЛО ХРАНИТЕЛИ

**ВЛАДИМИР
МЕДВЕДЕВ**

**ГРЕХИ
БРЕЖНЕВА
И ГОРБАЧЕВА**

**ВОСПОМИНАНИЯ
ЛИЧНОГО ОХРАННИКА**

Кремлевские телохранители

Владимир Медведев

**Грехи Брежнева и Горбачева.
Воспоминания личного охранника**

«Алисторус»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Медведев В. Т.

Грехи Брежнева и Горбачева. Воспоминания личного охранника
/ В. Т. Медведев — «Алисторус», 2016 — (Кремлевские
телохранители)

ISBN 978-5-906914-01-9

Владимир Тимофеевич Медведев, генерал КГБ СССР, много лет руководил личной охраной первых лиц КПСС и государства – Л.И. Брежнева и М.С. Горбачева. В своей книге он рассказывает не столько о системе правительственной охраны, сколько о просчетах и поражениях Брежнева и Горбачева, их человеческих слабостях – грехах, болезнях, пороках. Этих сведений больше нет нигде, ведь они приводятся человеком, который постоянно, день за днем находился при кремлевских лидерах.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906914-01-9

© Медведев В. Т., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

От автора	6
При Брежневе	9
Приглашение в КГБ	9
Телохранитель	13
В семье Брежнева	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Медведев
Грехи Брежнева и Горбачева:
воспоминания личного охранника

© Медведев В.Т., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

От автора

Мемуарное творчество вошло в моду среди советских руководителей. Поделились воспоминаниями Хрущев, Брежнев, Горбачев. Уже и Раиса Максимовна Горбачева не упустила возможности оставить воспоминания в качестве жены президента.

Теперь и чиновники уровнем пониже также ударились в мемуарную литературу. Ничего не сделав для страны, для собственного народа, который, как никогда прежде, – в бедности, эти политики делятся опытом своей бесполезной работы с зарубежными (в основном) читателями.

О себе не пишут сейчас только самые ленивые.

Я взялся за перо одним из последних – когда Брежнев и его время были окончательно развеяны и осмеяны, когда ушли в прошлое еще три генеральных секретаря ЦК КПСС и их времена оказались приговорены к еще более позорному столбу. Когда диктаторский режим сменился наконец демократическим, но и это принесло лишь беды; когда, наконец, была попытка государственного переворота (или мятежа?) и мое имя попытались очернить, обвинить в измене – обвинил не кто-нибудь, а Горбачев.

Я молчал эти долгие месяцы и годы, так как любой ответ на упреки выглядел бы как оправдание, а это я считаю для себя унижительным. Я никогда не был замешан в политиканстве, тем более в интригах и заговорах, никогда ни разу не изменил присяге, и время, кажется, само расставило все по своим местам. «Кто есть кто», как любил говорить последний Генеральный секретарь ЦК КПСС, теперь выяснилось, остались лишь подробности.

Я работал и жил под присягой, не расставаясь с оружием 24 часа в сутки. В личной охране Брежнева состоял 14 лет, пришел туда во второй половине шестидесятых годов, когда Леонид Ильич был в полной силе и страна, и мир надеялись на его плодотворную деятельность. На моих глазах происходил затем нравственный и физический распад личности. У Горбачева я возглавлял личную охрану все шесть лет его пребывания у власти.

Именно чужие книги подвигли меня наконец на свои собственные воспоминания. Жизнь вождей я видел и познал изнутри. И когда стал знакомиться с воспоминаниями людей, бывших на вершинах власти, я увидел четкое, иногда наивное самооправдание. А самооправдание и правда – не всегда одно и то же.

Мне представляется, что мемуары первых лиц государства – это как бы официальная версия правды, не более. Потому что редкий вождь сознается в серьезных просчетах и поражениях, и уж никогда – в болезнях, грехах, пороках.

А надо ли знать о личных слабостях своих вождей простым смертным – о вспыльчивости и неуравновешенности Хрущева, физической и нравственной деградации Брежнева, бесхарактерности и непостоянстве Горбачева? Да. Когда при тоталитарной или псевдодемократической системе страной безраздельно заправляет единственный человек, от его личных прихотей не защищен весь народ. От блажи, причуд, нездоровья этого одного человека, от того, с какой ноги он встал, роковым образом зависела иногда судьба не только собственной страны. Если хотите, события в августе 1991 года, так взволновавшие весь мир, стали возможны тоже во многом благодаря личным порокам президента Горбачева, изъянам его характера – нерешительности, в результате которой он суетился, ошибался, делал глупости, лавировал, предавал, и полной слепоты по отношению к людям, которых он приближал к себе.

В который раз я задумываюсь о бездарном провале всей августовской затеи. Странное это было предприятие. Мятеж? Путч? Переворот? По-моему, точного ответа нет до сих пор. Ельцин утверждал, что переворот готовился почти год, демократы много раз заявляли об опасности со стороны армии, и в то же время после образования правительства России много месяцев не назначался председатель Государственного комитета по обороне. Что это – легкомыслие? Казалось бы, готовить путч должны были враги Горбачёва – нет, у истоков стояли его едино-

мышленники и даже друзья. Казалось бы также, что путч должны были приветствовать сторонники жесткой руки, сталинисты во главе с Ниной Андреевой, – нет, они были против.

Я убежден, до какого-то момента, вплоть до начала переворота, они все были нужны друг другу – и путчисты, и Горбачев, и даже Ельцин. Именно в этом причина того, как странно развивались события, а не в том, что, как думают многие, мы вообще ничего не умеем делать и проваливаем все, за что ни возьмемся, поэтому, дескать, и тут кучка людей не сумела сделать элементарных вещей.

Глубокое заблуждение. Как раз по части кровавых мятежей и переворотов у нас огромный опыт, тут мы, к сожалению, едва ли не впереди планеты всей еще с 30-х годов. Советская военно-бюрократическая машина раздавила не один режим, не в одной стране пролила моря крови. Что же, на другом полушарии уничтожили Троцкого, а Ельцина по соседству не сумели арестовать? Или не догадались?

Никак не могу согласиться, что руководители армии и госбезопасности такие уж невежественные люди. И в армии, и особенно в КГБ механизм отлажен, надо лишь нажать кнопку, и отлаженная десятилетиями машина заработает безотказно.

Никто не блокировал Кремль, Манежную площадь. Телевидение спокойно сообщало о выступлениях Ельцина и демонстрациях протеста. Что это – безалаберность путчистов? Но не до такой же степени.

Было еще несколько долгих часов: когда в Белом доме начали организовывать оборону, там поначалу царила неразбериха, организаторов обороны можно было без труда (и пока без большой крови) взять, как говорят, тепленькими. Да и потом, когда были построены баррикады, ставшие знаменитыми, почти легендарными, смять их, как игрушки, не составляло труда. И не надо никаких вертолетов, о которых было столько разговоров. ОМОН расчленил бы площадь, в образовавшиеся коридоры хлынула бы «Альфа». За полчаса было бы все кончено – я знаю этих ребят из «Альфы», они наши – КГБ. Да, за полчаса. Но теперь бы уже, при сопротивлении, без большой крови не обошлось.

Но если безоружная, гражданская толпа не смогла бы остановить штурмовиков, как же можно было созывать народ на оборону Белого дома, то есть приглашать людей на верную смерть? Многим, наверное, вспомнились в эти дни схожие ситуации. В январе 1991 года в Эстонии также возникла угроза штурма правительственного здания, и там Эдгар Сависаар, наоборот, призвал людей не собираться на площади перед его резиденцией: долг правительства, сказал он, обеспечивать безопасность граждан, а не подставлять его под пули. Подобным образом, кажется, поступил в Чили и Альенде в 1973 году.

Что заставило Ельцина поступить наоборот? Не могу поверить, что Борис Николаевич хотел устроить перед своими окнами бессмысленную бойню, превратить людей в «пушечное мясо». Значит, остается единственный вариант: он знал, что штурм не будет. От кого? Ну, от кого еще можно знать – естественно, из первых рук.

Тогда понятно, почему Борис Николаевич выступил против кровавой хунты не сразу, а спустя несколько часов, – почему, наконец, войска, вошедшие в Москву, не были вооружены – бронемашин без боекомплектов и даже личное оружие офицеров – без патронов.

Вспомните пресс-конференцию мятежников вечером 19 августа, когда они заявили, что собираются договориться и сотрудничать с Ельциным.

Политические игры мятежников говорят о том, что они не хотели проливать кровь. Близкие к Горбачеву люди, они верно служили ему, пока не иссяк запас терпения. Будучи связаны с ним общими делами и личными отношениями, они не способны были на насилие и убийство.

И это погубило их. Действуй они жестко и непоколебимо – народ бы против не пошел. Народ и до сих пор не знает, куда лезть.

Среди них не оказалось истинного лидера, хотя бы наполовину равного Ельцину. И это также погубило их.

Личной корысти у таких людей, как Язов, Крючков, Пуго, возглавлявших всю возможную истребительную, карательную силу, не было. Все, что им нужно было иметь лично для себя, они имели. Они действительно верили в спасительную силу чрезвычайного положения. Другое дело – методы...

А Горбачев – во всей этой истории? На упомянутой пресс-конференции путчисты объявили, что Горбачев вернется и они будут с ним вместе работать. Анатолий Лукьянов после того, как его выпустили из тюрьмы, подтвердил: даже Крючков надеялся на то, что договорится с Горбачевым. А изоляцию в Форосе президента Лукьянов назвал: «Самоизоляция».

Любопытно, что то же самое задолго до этого сказал человек, далекий от союзного президента, – Геннадий Бурбулис:

– Не думаю, что он (Горбачев. – *В.М.*) не мог, с кем надо, связаться. Иногда мне кажется, что ему изоляция была нужна самому. Так сказать, руками ГКЧП, не оставляя следов, ввести чрезвычайное положение. И, скорее всего, он одинаково не хотел путча и подталкивал к нему.

Но при таком раскладе и степень вины путчистов должна быть иной. При чем тут измена Родине или даже захват власти? Я говорю не о невиновности, а, повторяю, о степени вины.

Теперь мы пришли к логическому концу. Теперь, когда вспоминают защитников баррикад Белого дома, слово «героические» все чаще берут в кавычки. Напрасно, может быть: люди то не знали о политических играх, они пришли действительно стоять намертво за демократию. Теперь и «демократия» стала словом ругательным.

Считалось, что я охранял лидеров двух разных, противоположных режимов – тоталитарного и демократического. Август 1991-го ярко высветил, подчеркнул, что это были разновидности одного и того же тоталитарного режима, просто Горбачев, начав заигрывать с демократами, по привычке всех прежних руководителей отступил было назад, но – оступился и провалился, и вслед за собой утащил в пропасть всех нас. Дело не в том только, что мы никогда так худо не жили, – наш народ терпеливый, а в том, что все – разуверились, были утомлены и деморализованы. Если от прежнего лидера, больного, потерявшего разум, ничего не ждали и тем не менее жили прилично, то от Горбачева, молодого, энергичного, ждали чрезвычайно многого – он ведь сам наобещал нам всего, столько назаявлял, а в итоге мы оказались на обломках государства. Обострились до непримиримости противоречия национальные, социальные, религиозные, возрастные. Все возненавидели всех и каждый каждого.

Отношение народа к лидерам – чуткий барометр, если к Брежневу даже в худшие годы относились с иронией и насмешкой, то к Горбачеву – с враждой и злобой.

19 августа 1991 года стало венцом борьбы двух диктатур – коммунистической и посткоммунистической.

Вот в какие дни я вошел в одно из зданий на территории Кремля и протянул в окошечко свои документы – меня увольняли из КГБ.

Когда-то я впервые вошел в это здание, в этот подъезд и именно в это самое окошечко с волнением протягивал свое заявление с просьбой принять на работу. Это было 30 лет назад. В другую эпоху.

Неужели все это было – со мной?

При Брежневе

Приглашение в КГБ

В начале 1962 года начался отбор молодежи, прошедшей армию, в систему КГБ. Такие отборы проводились время от времени и на предприятиях, и в некоторых вузах. Отбирали в основном по анкетным данным.

Меня вызвали в военкомат. За столом сидели двое в штатском. Один тут же вышел, а второй повел беседу: как служилось в армии? на гауптвахте не сидел? как дела сейчас на работе? Насчет гауптвахты и остального он и сам все знал, выяснил, прежде чем пригласить. Ему было, видимо, важно не только, *что* я отвечаю, но и *как*. Отвечал я коротко, не болтливо, почти по-военному. Он сказал мне, что к чему.

– У нас служба военная.

Это мне не подходило. Я дорожил тем, что еще недавно носил тельняшку, бушлат, бескозырку, и менять теперь бывшую морскую форму на общевоинское обмундирование не хотел.

– Не торопись, – спокойно объяснил мне хозяин кабинета. – В военной форме – только на работе. Все остальное время – в штатском.

Заметив мое колебание, добавил:

– Зарплата – 160 рублей. Возьми на всякий случай номер телефона, надумаешь – звони.

Я не хотел идти к ним и звонить не собирался. Но, скажу правду, сманила зарплата. Я получал на заводе чуть не вдвое меньше – 90 рублей, и, в общем, перспектив – никаких. Товарищи на заводе сомневались поначалу: «Такие деньги зря платить не будут, пахать придется, видно, крепко». А потом рассудили: «Не понравится, на завод всегда вернешься. Иди». И Светлана, жена, сказала: «Иди».

Через несколько недель я позвонил:

– Согласен...

– Очень хорошо, – с удовлетворением ответил знакомый голос. – Завтра же и приходи. Знаешь, куда?

– Да, – ответил я и назвал адрес райвоенкомата.

– Нет. В Кремль. К десяти часам. Через Троицкие ворота. Там покажешь паспорт и – направо, под арку, опять покажешь паспорт, там тебе скажут – куда.

Я заволновался – в Кремле я прежде никогда не был. Возникло вдруг желание никуда не идти, но я понимал – уже поздно.

Приехал чуть не за час. Прошел несколько часовых, прежде чем оказался в нужном кабинете. Все тот же мужчина в штатском поднялся мне навстречу, протянул.

– Решил?

– Решил.

– А почему? – поинтересовался вдруг.

Я врать не стал:

– Зарплата...

Он улыбнулся.

В соседней комнате я заполнил массу разных бланков и анкет.

– Иди, продолжай работать. Никому ничего не говори. Когда надо – я позвоню, жди.

Прошла неделя. Месяц. Два, три месяца. Я решил, что не подошел. Но через полгода, шел уже август, раздался звонок. Видимо, они так долго изучали мое досье, делали какие-то новые запросы. Начальник цеха, узнав о моем уходе, отпустить отказался:

– Ты что? У нас план горит – петля! Надо поработать.

Я пришел к заместителю директора, и тот, прочитав заявление: «Прошу уволить в связи с переходом в Комитет госбезопасности», подписал его, не моргнув глазом.

Товарищи по цеху шутили: «Володя, если будет все в ажуре, позвони, за такие-то деньги и мы в госбезопасность придем».

В КГБ я дал подписку о неразглашении государственной и служебной тайны.

Меня зачислили в 9-е управление КГБ, в народе хорошо известное и именуемое как «девятка». Управление престижнейшее, ведало обеспечением безопасности руководителей партии и правительства, а также глав зарубежных государств, прибывающих с визитами в нашу страну. Заместитель начальника 9-го управления внушал мне необычайную важность моей службы, говорил о политической бдительности. Было множество других бесед и служебных напутствий, в том числе и казенных, ставших впоследствии анекдотическими: «Враг не дремлет!», «Болтун – находка для шпиона» и т. д.

Я приготовился к чему-то не только важному, но и возвышенному... Но сначала все оказалось гораздо прозаичнее и будничнее, а «святая святых» – личная охрана вождей, осталась в стороне.

Как раз в 1962 году, именно в год моего прихода в органы, в 9-м управлении КГБ был создан отдел по охране спецсооружений. Туда я и попал. Мне предстояло изучить несметное количество рабочих документов из категории так называемых «закрытых», в их числе уставы различных служб, руководства к действию при сигналах воздушной, химической, пожарной, боевой и прочих «тревог» и т. д. Это по части теории. Практика была интереснее – занимались рукопашным боем, стреляли из пистолета в тире, выезжали на стрельбище и за город, там уже вели огонь из автоматов, кроме того, бегали кроссы, плавали, сдавали разнообразные зачеты по легкой атлетике, зимой ходили на лыжах. Учились оказывать первую медицинскую помощь.

Собственно говоря, на практике, впрямую нам все это в первые годы было совершенно не нужно. Мы охраняли «объект». Будь это на гражданке, можно было бы назвать нас просто сторожами. Но спецсооружение являлось оборонным, сверхсекретным, я и теперь не могу назвать его. Оно в ту пору только возводилось – пыль, едкий дым, ядовитые запахи сопровождали всех нас потом еще многие годы.

Работали посменно: сутки дежуришь, двое – выходные. После смены выходили на улицу с бледными, синюшными лицами. Так продолжалось пять лет. Я, может быть, и не выдержал бы этого испытания, но у меня появилась цель – попасть в 18-е отделение, которое считалось «цветом» нашего 9-го управления. Именно там готовились сотрудники личной охраны, в простонародье – телохранители, там формировались команды для сопровождения руководителей партии и правительства по стране и за рубежом. По большим праздникам в Кремле или на демонстрациях я видел своих товарищей из личной охраны, завидовал им и надеялся когда-нибудь окунуться в эту работу, чрезвычайно ответственную, разнообразную, оперативную, мечтал поехать по стране и по миру. Влекла не только престижность, но и романтика.

Не я один, каждый сотрудник «девятки» мечтал попасть в это подразделение.

В этот период удалось осуществить давнее желание – поступить заочно в институт. Я понимал к тому же, что без высшего образования мне не видать хорошей офицерской должности. В гражданские вузы работнику КГБ поступать не разрешалось, за исключением юридического и физкультурного. Я выбрал Всесоюзный юридический заочный институт. Поступил и учился легко.

За исключением нескольких человек, с которыми я расстался навсегда и безвозвратно, никто не знал о моей работе в КГБ, ни мать, ни отец – никто.

Из того невыразительного, занудного времени запомнились осенние дни 1964 года. Убрали Хрущева, пришел Брежнев. Нас посадили на казарменное положение и продержали в полной боевой готовности трое суток, пока не выяснилось, что никаких волнений ни в армии,

ни в спецслужбах не предвидится. Все обошлось, тем не менее начальник личной охраны Брежнева простоял все эти ночи у дверей его квартиры с автоматом в руках...

Шел к концу 1967 год, когда меня перевели в долгожданное 18-е отделение. За какие заслуги? Конкретно – ни за какие, все тут сошлось в совокупности: «чистая анкета» без пяти минут высшее образование, примерный семьянин, по службе – ни одного нарекания, все зачеты по теории и практике – сдаю безукоризненно, физически крепок и вынослив, не пью, не курю. Что еще – не знаю. Может быть, элементарно повезло, были же и другие ребята, наверное, не хуже.

В 18-м отделении тоже еще нужно «показаться». Это только база для перехода в личную охрану. Но уже несколько месяцев я, младший лейтенант, наблюдал Леонида Ильича Брежнева на расстоянии, сопровождая во второй машине утром с дачи на работу и вечером – обратно. Издалека видел его на даче во время прогулок.

На следующий год, в 1968-м, меня откомандировали летом в Крым готовить к отдыху Генерального секретаря ливадийский пляж. Мы осмотрели пирсы, причалы, побережье, все морское дно. Необходимо было обезопасить побережье не только от возможных магнитных мин, но и очистить его от мелочи – битых бутылок, склянок, прочего стекла.

Еще через пять лет там же, на ливадийском берегу, меня назначили заместителем начальника личной охраны Брежнева.

Начальником охраны был Александр Яковлевич Рябенко. Они встретились с Леонидом Ильичом еще до войны, в 1938 году. Рябенко-шофер получил новый «бьюик» и, как было велено, подъехал к обкому партии. Вышел парень – в белой рубашке, рукава закатаны.

– Поехали.

– Куда? Я жду секретаря обкома Брежнева.

– Я и есть Брежнев.

– Ну-да...

Их разлучила война. Рябенко тоже ушел на фронт. А после войны встретились и больше не разлучались. Бок о бок сорок лет.

В то лето, перед тем, как Рябенко назначил меня своим заместителем, произошла любопытная история. В 1973 году Брежнев пригласил на отдых в Нижнюю Ореанду Людмилу Владимировну, жену сына Юрия. Она взяла с собой Андрея, которому было тогда лет шесть-семь. Леонид Ильич очень любил внука. Подвижный, любопытный мальчишка, исследуя большую дачную территорию, исчезал на долгие часы, домочадцы каждый раз волновались, его приходилось разыскивать с помощью охраны. Леонид Ильич попросил Рябенко выделить кого-то, чтобы Андрей был под постоянным присмотром. Выбор пал на меня.

С утра, иногда даже до завтрака, мальчик мчался куда глаза глядят, и я вынужден был следовать за ним. В конце концов я объяснил ему, что дедушка просил меня быть с ним неотлучно и без меня он не должен никуда уходить. Андрей согласился, потому что побаивался деда, к тому же со мной ему было просто веселее.

Пришлось забросить свои прямые обязанности, не оставалось времени на спортивные занятия, даже постирать, погладить одежду едва успевал. С раннего утра Андрей уже ждал меня у порога. Я еще только сажусь завтракать, а он уже спрашивал у охраны: «А где дядя Володя?» Если в течение дня мне необходимо было отлучиться, со всех постов звонили: мальчик ищет, ждет. Мы ловили крабов, обследовали всю округу, излазили все самые дальние уголки. Мальчик был очень шустрый и интересный – пересказывал мне фильмы и книги, сам придумывал невероятные небылицы. Мы подружились.

Однажды я немного задержался, и Андрей ушел один. Я обнаружил его в небольшой бамбуковой рощице, мальчишка ломал молодые деревца. Их и без того было очень мало.

– Андрей, нельзя, – сказал я ему.

– Ну-да, нельзя, – ответил он и продолжал ломать.

И тут я шлепнул его по заднему месту. Мальчик обиделся:

– Я расскажу деду, и он тебя выгонит.

Повернулся и пошел домой.

Что могло последовать, если внук расскажет, что его отшлепали? Я был рядовым охранником. Малейшего недовольствия Леонида Ильича достаточно, чтобы меня здесь больше не было. Но, кажется, я уже знал характер этого человека, который не только безумно любил своего внука, но и старался быть требовательным к нему.

Как я потом понял, Андрей не только дедушке, вообще никому ничего не сказал о нашей ссоре. Он даже домой не пошел. После обеда он подошел ко мне и – извинился... Дружба наша продолжалась.

..А ведь он, наверное, гордился всесилием своего деда. Наивное и чистое существо, сколько раз я вспоминал его потом, когда тоже гордившаяся всесилием имени Раиса Максимовна бесконечно жаловалась на меня Михаилу Сергеевичу – по всяким пустякам, к которым я и отношения-то не имел; когда горничная только за то, что пыталась усовестить внучку Горбачевых, была выгнана...

Телохранитель

Но я отвлекся.

Через какое-то время Александр Яковлевич Рябенко в довольно непринужденной обстановке, у бассейна, объявил мне:

– Ты назначаешься моим заместителем.

– Постараюсь оправдать ваше доверие, – ответил я по-военному.

Перед этим у Рябенко состоялся разговор с Леонидом Ильичом. Начальник охраны, как полагается в таких случаях, охарактеризовал меня: дело знает, четкий, выдержанный, не пьет, не болтун.

– Это какой Володя? – переспросил Брежнев. – Который с Андреем, ходит?

– Да. Он, между прочим, уже два года подменяет моих замов.

– А не молод еще?

Мне тогда было 35 лет. И Рябенко напомнил:

– А когда я вас, Леонид Ильич, впервые у обкома ждал, вам сколько лет было?

Больше вопросов не возникло. Я вошел в эту семью как свой. Вплоть до того, что собирал и складывал Леониду Ильичу в чемодан все вещи, когда мы отправлялись в командировку. И Виктория Петровна была спокойна за мужа, когда я был рядом.

Я и теперь считаю, что личная охрана потому и называется личной, что во многом это дело и семейное.

В просторечии, в народе, профессия моя именуется 'телохранитель', профессионально же говоря, я – «прикрепленный».

Не могу сказать, что овладел этой наукой на каком-то этапе, нет, я овладевал ею всю жизнь. Разные этапы, разные государственные режимы, разное, если хотите, противоположное отношение народа к своим лидерам – все это создавало новые условия для нас, иные требования.

Как во всяком почти деле, были в нашей подготовке и издержки, нелепости, которые шли от казенщины. Так, мы проходили строевую подготовку, и в Кремле, в Тайнинском саду, нас заставляли маршировать, лишь в середине семидесятых эта муштра прекратилась. Проверка личного оружия – пистолеты, автоматы – проводилась почему-то именно перед большими праздниками, как будто в другие дни его можно было не чистить. Конечно, это все формально делалось, для галочки. Одна из проверок общефизической подготовки – лыжные кроссы, их почему-то всегда планировали весной, и хоть там дождь прошел и снега почти нет, а все равно заставляют бежать – план! Кстати сказать, Косыгин, Демичев, Соломенцев, некоторые другие, когда были помоложе, прекрасно ходили на лыжах, некоторые охранники на зимней лыжной прогулке не успевали за своими подопечными. Мои оба – и Брежнев, и Горбачев – южане, на лыжах не ходили.

Вместе с тем освоили мы и многое из того, что необходимо не только для службы, но и в повседневной личной жизни. Как наложить повязку при сломанной ноге или руке, как остановить кровь при помощи жгута, как спасти утопающего, какие лекарства при каких приступах и обострениях необходимы – все это мы знали назубок. Разве не важно знать не только нам, охране, но и каждому человеку, что предпринимать, например, при остановке сердца? Мы отрабатывали приемы на импортных резиновых куклах: накачиваешь и правой рукой берешь за подбородок, поднимаешь голову, левой зажимаешь нос и через марлю дышишь – рот в рот. Одновременно напарник давит на грудную клетку, загоняет внутрь воздух: три-четыре толчка – вдох... Это мы прошли еще в 18-м отделении, теперь же мы, все трое «прикрепленных» – заместители Рябенко, попросили Михаила Титовича Косарева, личного врача Брежнева, выделить нам инструктора для дополнительных занятий по приемам реанимации.

Кто бы мог подумать, что эти приемы мне придется использовать – один раз в жизни, в роковой час...

Многое из того, что мы знали и умели, нам вообще не понадобилось, и слава Богу: прикрывать охраняемого огнем, эвакуировать из зоны обстрела нападения. Одних только видов стрельбы сколько осталось невостребованными – навскидку, из завалов и укрытий, на бешеной скорости, в окружении людей, по движущейся цели, сверху – из окна или балкона, и т. д. Если не пригодилось все это, значит, мы неплохо делали свою главную работу – профилактическую, теоретическую. А стрелять для нас – дело последнее, это больше для кино, чем для жизни. Плохо мы сработали, что-то упустили, если до пальбы дошло.

Ежедневная работа телохранителя куда тоньше, она незаметна даже для очень внимательного постороннего глаза. Прикрыть охраняемого надежно, но так, чтобы не теснить его в малейших движениях; не касаясь рук охраняемого, уберечь их от неожиданных наручников или от рук прокаженного; на огромной скорости в один момент схватывать взглядом меняющуюся дорогу, подъезды, крыши, балконы, толпу. Для людей свободных, праздных – пейзаж, для нас – «окружающая местность».

Как-то в Железноводске (места Горбачева – Ставрополье, здесь его знают, помнят) мы выходили из магазина, многие здороваются с ним, а один схватил его за шею и крепко поцеловал. Люди вокруг свои, и Горбачеву объятие было, наверное, приятно, но по большому счету это – наше упущение.

Всякие наши усиления и укрепления обычно следовали после каких-либо ЧП. Так, в семидесятых годах в Архангельске во время праздничной демонстрации на трибуну, где стояли местные руководители, ворвался бандит и открыл огонь из автомата. Несколько человек были убиты, многие ранены. Милиция просто растерялась. Какой-то военный кинулся и выбил у преступника автомат. У нас в Москве после этого начались собрания, инструктажи, накачки, проработки методик.

Может быть, и не мешало иногда, время от времени, напоминать охране о каких-то моментах, но дело в том, что, как я уже говорил, многое делалось для «галочки», и это, наоборот, расхолаживало, а в итоге частенько заканчивалось начальственными глупостями. В Минске погиб на трассе первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Машеров – любимец республики, Герой Советского Союза, получивший награду за войну и в войну. Перед этим водитель-старик пожаловался Петру Мироновичу, что его хотят убрать на пенсию. А они работали вместе уже очень давно, чуть не с войны. Машеров сказал ему: «Не волнуйся. Ты будешь работать, пока я работаю».

В роковой аварии оказался во многом виноват и водитель, который тоже погиб.

По всей стране стали менять шестидесятилетних водителей спецмашин. Но я знал многих из них – опытных, мудрых, не растерявших ни реакции, ни зоркости, они некоторым молодым могли дать сто очков вперед.

На Ленинградском шоссе на машину Косыгина наскочил «Запорожец». На косыгинском автомобиле – ни царапинки. «Запорожец» – развалился (водитель чудом уцелел, и Алексей Николаевич просил не наказывать его). И что же? На другой же день на всех улицах, проспектах и даже самых широких и просторных магистралях Москвы появились знаки ограничения скорости до 60 километров в час (вместо прежних 80). Разве не глупость? На хороших трассах при высокой культуре автодвижения и на скорости в 160 километров можно ехать без риска, а не соблюдая элементарных правил или садясь за руль в нетрезвом виде, и при 60 километрах в час – попасть в аварию. Кажется, в те же дни со многих машин сняли спецсигналы, это сделали правильно. В ту пору тысячи блатных москвичей обзавелись ими: директора комиссионных магазинов и заведующие складами ездили, как члены Политбюро, – красные фары, правительственные сирены, странные, непростые номера. Немудрено, если на сирену косыгинской машины в тот день на дороге не обратили внимания.

Быстрое и формальное реагирование для отчетности – «меры приняты» – приводило к тому, что частности иногда губили хорошие планы.

По примеру ведущих зарубежных держав у нас решено было создать в Москве вертолетный парк. Президент США имеет возможность приземляться прямо у Белого дома, во Франции президент опускается на лужок у дворца в Рамбуйе, то же – в ФРГ. А нам как? У нас то ли не сумели, то ли не решились приспособить кремлевскую территорию для взлетов и посадок, а может быть, исходили из личного повседневного быта Леонида Ильича – ему от дачи в Заречье до работы всего 10 минут езды на машине. Решили соорудить вертолетную площадку... прямо возле дачи Брежнева в Заречье. А летать куда? Как куда – в Завидово, на охоту. Раз в неделю. Очень скоро выяснилось, что выигрыш во времени невелик. До Завидова – 150 километров, на машине полтора часа езды, даже меньше. На вертолете – 43 минуты. Но пока подъедем к вертолету, загрузимся, запустим движок, пока раскрутим, проверим машину – выигрыш во времени невелик. А главное – зависимость от погоды. Однажды поднялись и попали в грозу. Командир экипажа пытался обойти грозовую тучу, подняться выше – ничего не получалось. Вертолет трепало, как игрушку, то бросало камнем вниз, то снова вверх, грозовые огненные стрелы пронзали все воздушное пространство вокруг нас. Состояние было чудовищное. Мы испереживались за Брежнева. Высота – метров 250.

А Леонид Ильич спокойно сидел в кресле и смотрел с интересом в окно, как смотрят в зале приключенческое кино. Отчаянный человек.

После этого случая руководство гражданской авиации стало перестраховываться, сообщая нам о возможных грозовых фронтах в пути, сильном ветре и прочих напастях. Несколько раз мы подолгу ждали летную погоду, и в конце концов Генеральный секретарь плюнул на вертолетные затеи.

Окончательно точка была поставлена после истории с членом Политбюро В.Воротниковым. Вертолет, в котором он летел, попал в полосу сильного тумана, при посадке машина сильно ударилась, лопасти винта зацепились за землю, но продолжали крутиться, вовлекая в круговое движение и всю кабину. У помощника Воротникова оказалось сломано много ребер. Наш сотрудник безопасности, пытаясь удержать охраняемого в кресле, при ударе о землю был отброшен к стене, где висели вешалки для одежды. У него оказались серьезно повреждены шейные позвонки, после этой тяжелой травмы его попросту отправили на пенсию.

Воротников же отделался легким испугом, он даже не поинтересовался потом судьбой того, кто его спас.

Аварии вполне могло не быть, если бы командир экипажа спросил у Воротникова разрешение на приземление в любой другой точке, где нет тумана. Но он побоялся обратиться к «самому» члену Политбюро, это было бы нарушением традиций, нарушением устного наказа перед полетом и в конце концов – нарушением инструкции. Между партийным руководителем и тем, кто его обслуживает, – стена. Инструкция превыше всего.

От мысли «догнать» Запад отказались, на правительственном вертолетном транспорте поставили крест.

Только недавно к нему снова стали возвращаться.

Если после аварий и чрезвычайных происшествий, кроме накачек, ничего, в общем, не следовало, то гибель лидеров или покушения на них, где бы это ни происходило, серьезно влияли на содержание нашей работы.

В 1968 году прошла информация о том, что премьер-министр Австралии, купаясь в море, исчез. То ли утонул, то ли его утащили подводники каких-то спецслужб – непонятно. После этого случая руководство 9-го управления решило создать службу подводников-аквалангистов. Комиссия для отбора была намного строже, чем при наборе в армейские Военно-Воздушные Силы: около недели крутили на разных табуретках, провели все медицинские исследования.

В конце концов отобрали группу молодых, физически сильных сотрудников – что-то около десяти человек, в нее вошел и я.

Дальше начались занятия – чрезвычайно суровые. Плавали в глубине бассейна до изнеможения, как только дыхание на исходе – всплываешь на мгновение у бортика, дыхнешь кислорода и опять на дно. Нас учили не бояться глубины: мы ныряли в узкую трубу – полная темнота и замкнутое пространство действуют ужасно, далеко внизу, на дне, в крошечной тьме мы должны найти акваланг, надеть его и всплыть.

Не все смогли пройти жесткий отбор. Из десятка половина отсеялась. Я, как и по многим другим, «сухопутным», дисциплинам, оказался среди лучших. Именно после этих крещений меня, кстати, и направили в 1968 году в Ливадию готовить пляж к отдыху Брежнева.

Личная охрана – это не только наука, это еще и повседневное огромное испытание: физическое, психологическое. Сочетание холодного рассудка и оперативной смекалки. И нравственность – обязательное качество, безнравственный человек в нашем деле просто опасен.

Я уважаю свою профессию прежде всего и больше всего за то, что у нас нельзя осесть по благу. В стране и в ту пору, а нынче особенно, протекционизм играл большую роль – и за деньги, и по приятельству можно было и в институт попасть, и на выгодную работу устроиться. Протекционизм, если хотите, процветал и в высших эшелонах государственной и партийной власти. Так вот к нам, в личную охрану, может быть, тоже молено было просочиться по благу, не знаю, но по благу осилить нашу ношу – невозможно. Случалось даже, не оправдывали ожиданий те, кто, кажется, по всем статьям годился. При Брежневе горели в основном по пьянке или из-за болтливости, в нынешние времена – из-за мелкого предпринимательства в зарубежных командировках. Точные приметы времени. Но это, я скажу, единицы за десятилетия.

Тем, кто не очень верит на слово, думает, что я что-то преувеличил, превознес в нашей службе, в том числе и трудности, могу порекомендовать совсем небольшую проверку. Когда увидите на скорости президентский автомобиль, попробуйте «сесть на хвост» машине прикрытия. Если сумеете хотя бы немного продержаться, гарантирую острое ощущение. Но для охранников эта скорость – как азбука, они ее не чувствуют. Они каждую секунду видят, как прикрыть охраняемого спереди, сзади, справа, слева. Охрана не сидит в машинах, как это обычно принято, но все – с автоматами наизготовку, на краешках сидений, в полуприседе, как бы на корточках, в любой момент готовы выскочить.

Сколько пролитого пота за этой скоростью. Умение резко развернуться на 180 градусов, проскочить между препятствиями с миллиметровыми зазорами, вывести машину из заноса, управлять на такой же скорости на мокром или заснеженном асфальте... Водители машин – виртуозы, асы.

Вместе с ними все эти экзамены сдавали и мы, охрана.

Описанное мною лихое подразделение называется «выездная охрана». Так же, как и служба подводников-аквалангистов, она родилась не на пустом месте, а после покушения. На Брежнева...

Это произошло в январе 1969-го, через год после моего прихода в личную охрану. Случилось не в мою смену, но подробности знаю.

Офицер Советской Армии Ильин служил в части, расположенной в Ленинграде. Прихватив два пистолета Макарова с полными магазинами патронов, он заявился в Москву накануне возвращения из полета очередных космонавтов. В столице он поселился у родственника – сотрудника милиции. У него он стащил милицмейскую форму и в таком наряде объявился у Боровицких ворот Кремля.

Москва в день встречи космонавтов была расцвечена флагами, гремела музыка. Десятки тысяч москвичей приветствовали героев космоса на всем пути следования из аэропорта Внуково-2. Диктор по радио передавал информацию о пути следования правительственного коржа. Ильин смешался с нарядом милиции, сам активно занимался наведением порядка у Боровиц-

ких ворот и сбил с толку сотрудников госбезопасности. Когда по радио объявили, что космонавты едут в первой машине, а во второй – Генеральный секретарь ЦК КПСС, Ильин прошел на территорию Кремля и встал здесь. Все рассчитал правильно – машины на въезде всегда сбавляют скорость.

Но у Брежнева случилась какая-то задержка, и его машина двинулась не второй, а пятой. Возможно, это спасло ему жизнь.

Когда вторая автомашина поравнялась с Ильиным, он открыл ураганный огонь, разрядив две полные обоймы. В этой машине сидели космонавт Береговой, внешне немного похожий на Брежнева, Терешкова, кто-то еще. Несколько человек были легко ранены, а водитель ГОНА (гараж особого назначения) получил смертельное ранение и по дороге в больницу скончался. Ранен был и один из мотоциклистов.

Сотрудники КГБ схватили террориста лишь после того, как он расстрелял все патроны. После судебно-медицинской и психиатрической экспертизы Ильин был признан невменяемым и помещен в психбольницу. Не могу сказать, насколько правильно поставили диагноз, как известно, наша судебно-психиатрическая медицина в ту пору была достаточно запятнана.

Сравнительно недавно по ленинградскому телевизионному каналу показали этого Ильина, он давал интервью. То ли выпустили его из больницы, то ли собираются выпустить – не понял, опоздал к началу передачи. Ясно увидел другое – из Ильина уже делают героя, страдальца, и это вызывает у меня внутренний протест. Можно по-разному относиться к общественному и государственному устройству страны, принимать его или не принимать, можно по-разному относиться к лидеру государства. Но в любом случае пуля не метод, никто не дает права одному человеку лишать жизни другого человека.

До этого случая у членов Политбюро был лишь начальник личной охраны и два заместителя, у кандидатов в члены Политбюро – двое в охране, у секретарей ЦК КПСС – один комендант-охранник. Теперь охрану увеличили у всех.

Созданная «выездная охрана», о которой я рассказывал, – это десять человек: трое работают в три смены и один подменный. В каждой смене – «прикрепленный», являющийся заместителем начальника личной охраны.

Разложу нашу работу по степени сложности, как по полочкам.

1. Самые сложные дни, с оперативной точки зрения, – праздничные. Всякое большое скопление народа – уже напряжение. В многотысячных массах всегда может оказаться шизофреник, наркоман, просто агрессивно заряженный человек.

Перед каждым 1 Мая и 7 Ноября проводятся многочисленные совещания, инструктажи, составляется «план мероприятий». Все это повторялось каждый год, одно и то же. В итоге накапливалось какое-то неприятное напряжение.

2. Второе по сложности – поездки за рубеж. Другие люди, другой язык, незнакомая территория. Трудно не столько с оперативной точки зрения, сколько психологически.

3. Поездки по стране. Тут многое зависит от того, куда едешь. В крупных городах сложнее, чем в колхозах. Особенно сложно на Севере, в Сибири – в криминогенных зонах.

4. Заводы и фабрики в Москве, здесь попроще, все под рукой, все можно продумать до деталей.

5. Как ни странно, на эту ступень, пятую, я ставлю охоту. Там есть достаточный риск, об этом я расскажу.

6. Отдых.

При Горбачеве сложностей никаких, при Брежневе острых моментов хватало.

7. Будни. Маршрут с работы на дачу и обратно. Тут отработано – никакого напряжения, никаких проблем.

В семье Брежнева

...Рабочий день мой начинается в Заречье, на даче Генерального, в 8.30 утра. Принимаю смену, и уже с Леонидом Ильичом возвращаемся в Москву. В основной машине (раньше – «Чайка», позже – «ЗИЛ») впереди водитель и Генеральный, сзади, на откидных сиденьях, – мы с Рябенко. За нами – машина с «выездной охраной», еще дальше – сзади и впереди, метрах в трехстах, – трассовики. Задним работы немного, кроме обгона, ничего нам не грозит, передним забот побольше – затор, гололед, дерево упало, то есть все, что на трассе, – по их части.

Через Боровицкие ворота подъезжаем ко второму подъезду первого корпуса Кремля.

К десяти часам Брежнев уже в кабинете. Кроме хорошо известных приемной и кабинета, в котором он принимал гостей, было еще маленькое уютное помещение, около 10 квадратных метров, где он обедал, здесь же стоял стол с телефонами, за которым он иногда в тишине работал, дальше такого же размера комната отдыха – тахта, зеркало, раковина для мытья рук, и наконец – предбанник с вешалкой и туалетом. Сюда, в предбанник, мы и заходим через отдельный личный вход. Я помогаю Леониду Ильичу снять пальто и через коридор прохожу в приемную, здесь у меня своя отдельная дежурная комнатка (2х2 метра) с прямой связью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.